

Z. Brzezinski. Post-Communist Nationalism // Foreign Affairs.— N. Y., 1989/1990. Vol. 68. № 5. P. 1 — 25.

Статья известного политолога, профессора Университета им. Дж. Голкинса и советника Центра по стратегическим и международным исследованиям З. Бжезинского была написана в конце 1989 года. Тем не менее, суждения автора не утратили своей актуальности и представляют интерес для каждого, кто обращается к анализу межнациональных отношений в Советском Союзе и странах Восточной Европы. По его мнению, и политики, и представители академических кругов в странах Запада на протяжении длительного времени недооценивали значимость проблем, возникающих в результате пробуждения и быстрой активизации национального самосознания в государствах Восточной Европы и советских республиках. Но сегодня иные времена. Если Маркс не раз говорил о Российской Империи как «тюрьме народов», а Сталин вообще загнал все национальности СССР в «темницу», то теперь силы национального самосознания рвутся наружу, превращая «советскую империю» в «вулкан наций».

Понятно, продолжает автор, что Западу трудно расставаться с привычными стереотипами. Ведь до совсем недавнего времени понятие «Советский Союз» считалось синонимом понятия «Россия», а любой советский гражданин воспринимался как представитель русской нации. Однако необходимо считаться с тем фактом, что ситуация меняется очень быстро.

Национальные конфликты, которые можно было наблюдать в СССР на протяжении последних лет, уже развенчали иллюзию относительно «коммунистического братства» и рассеяли мираж якобы возникающей «надэтнической» общности в СССР. Больше того, можно, вероятно, говорить о том, что прогрессирующий развал коммунизма в рамках когда-то гомогенного «советского блока» будет в первую очередь связан с ростом национального самосознания и углублением различного рода межнациональных конфликтов. Одним словом, можно со значительной долей уверенности прогнозировать, что в скором будущем как страны Восточной Европы, так и Советский Союз станут ареной более острых национальных конфликтов даже по сравнению с уже известными (С. 1).

Развивая взгляды, изложенные в недавно вышедшей книге «Большой провал»¹, Бжезинский подчеркивает, что возможность широкого распространения межнациональных конфликтов не должна побуждать Запад к более терпимому отношению к СССР. И даже наоборот — ведь угасание коммунизма означает освобождение для тех, кто вынужден был жить под его дегуманизирующим влиянием.

Будучи провозглашенной коммунистами, доктрина интернационализма на деле ведет к усилению националистических страстей; постоянно воспроизводит себя политическая культура, основывающаяся на нетерпимости, уверенности в собственной непогрешимости, отрицании социального компромисса, в массовом поклонении посредственности.

На уровне массовой психологии коммунизм поэтому не только не отрицает воинствующе-нетерпимый национализм, но состыковывается с ним и даже усиливает его. Если говорить о практической политике, то и здесь именно коммунисты несут ответственность за следующие один за другим взрывы национализма, переходящего в шовинизм, ибо уничтожили такие относительно «интернационалистски» настроенные социальные классы, как аристократия и предприниматели. Таким образом, можно сказать, что практическая деятельность коммунистов способствовала скорее выживанию национализма, нежели его ослаблению.

Выстраивая логическую цепь интересов Запада, Бжезинский задается следующими вопросами: 1. Какой хотят видеть на Западе Восточную Европу, освободившуюся от советского господства? 2. Должен ли Запад поощрять стремление некоторых из советских республик выйти из состава СССР? 3. Если «да», то каким нациям должно быть отдано предпочтение? 4. Каким образом Запад может реагировать на возможное ужесточение политики Москвы по отношению к нерусским национальностям? 5. Как относиться к великорусскому национализму, особенно если последний приобретает открыто наступательный характер? 6. Какими могут быть международные стратегические и экономические последствия разрешения всех перечисленных проблем? (С. 2)

По мнению Бжезинского, вопросы, касающиеся роста национального самосознания в странах Восточной Европы и в республиках Советского Союза, не могут рассматриваться изолированно друг от друга. Фактически то, что происходит сегодня к западу от советской границы, оказывает прямое воздействие на ситуацию, складывающуюся внутри СССР. Например, ход событий в Польше прямо влияет на положение в Прибалтике, а также в Белоруссии и на Украине. Если, пишет Бжезинский, поддаваться соблазну несколько преувеличить значимость сегодняшних тенденций развития, то можно сказать, что «„балканизация” Восточной Европы будет сопровождаться параллельно идущими процессами „ливанизации” Советского Союза» (С. 2).

* Перепечатано из: Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР. Реферативный сборник. Ч. I. М., 1991. С. 76—96.

Возможное подавление национальных движений в СССР, в свою очередь, неизбежно отрицательным образом скажется на процессах демократизации политической жизни в Восточной Европе и повлечет за собой дальнейший рост националистических устремлений среди национальных групп, населяющих этот регион. Последнее представляется неизбежным следствием любых репрессивных акций, потому что в основе их обязательно окажется великорусский национализм, болезненно реагирующий на распад империи — и «внутренней», и «внешней».

Анализируя далее ситуацию в Восточной Европе, автор отмечает, что только в двух государствах наблюдается относительная этническая гомогенность: в Польше, где 95% почти 40-миллионного населения — поляки, придерживающиеся римско-католического вероисповедания, и в Венгрии, где 90% 11-миллионного населения — представители одной этнической группы, хотя и различных вероисповеданий.

Югославия и Чехословакия могут служить примером наиболее раздробленных в этническом отношении обществ. В одной из этих двух стран национальная неоднородность (шесть этнических групп) дополняется различиями в религиозных верованиях. В политическом отношении в Югославии доминируют сербы (9 млн. из 24 млн. населения), что вызывает недовольство населения двух наиболее развитых в экономической области республик — Хорватии и Словении, не говоря уже об албанцах в Косово. Проще ситуация в Чехословакии, где из 16 млн. населения 10 млн. составляют чехи. Фактором, осложняющим развитие событий, может служить историческое самосознание словаков, обладавших, кстати, собственной государственностью во время второй мировой войны. Наименее стабильная ситуация сложилась в Румынии и Болгарии.

Кроме того, все страны этого региона имеют, в большей или меньшей степени, притязания на территорию своих непосредственных соседей. Так, Польша претендует на часть территории Чехословакии, хотя в то же самое время является объектом реваншистских устремлений со стороны Германии. Уже в 80-х годах между Польшей и ГДР разгорелся спор из-за границ прибрежных вод, а также доступа в порт Щецин. Ситуация осложняется и тем, что Польша имеет претензии к советским республикам — Латвии, Белоруссии и Украине. В отдельных вопросах непростые взаимоотношения складываются между Чехословакией и Венгрией. Наиболее взрывоопасной является проблема венгров, живущих на территории румынской Трансильвании. Наконец, у Румынии есть претензии на Бессарабию (часть Украинской ССР), Молдавию и Добруджу (часть Болгарии), а Болгария явно неравнодушна к ситуации в Македонии (республике в составе СФРЮ) (С. 3—4).

Ясно, продолжает Бжезинский, что мозаика территориальных притязаний и неудовлетворенных национальных чаяний, существующая в Восточной Европе, не является чем-то уникальным, потому, что во многих других регионах мира, включая Западную Европу, ситуация также не проста. Другое дело, что национализм в Восточной Европе — и это одно из следствий 40-летнего правления коммунистов — менее структурирован, опирается больше на эмоции, а потому и более интенсивен, чем на Западе. Кроме того, суверенным государственным регионам очень сильно недостает того опыта региональной кооперации и многостороннего сотрудничества, которые внушительно заявили о себе на Западе в результате реализации «плана Маршалла».

Сегодня в Западной Европе возникает подлинное национальное единство, укрепляемое регулярными выборами в Европейский парламент.

Доминирование Советского Союза в Восточной Европе привело — невзирая на провозглашение лозунгов интернационализма — к тому, что экономические и политические системы государств региона развивались будучи замкнутыми в национальных рамках. Многосторонняя региональная кооперация, вставшая на повестку дня после 1945 г., оказалась подмененной двусторонними отношениями с Москвой. Похороненными были планы тесного сотрудничества между Польшей и Чехословакией, а также создание конфедерации между Югославией и Болгарией. Организация Варшавского Договора и СЭВ стали на деле инструментами советского контроля. По сути дела, именно СССР был заинтересован в том, чтобы каждое восточноевропейское государство культивировало доморощенный национализм, — этим они изолировались друг от друга, не имея возможности выступить единым фронтом против диктата Москвы (С. 4—5).

В истории ничто не проходит бесследно, и сегодня «балканизация» Восточной Европы является вполне реальной угрозой. Государствам региона с накопленным «отрицательным» опытом интеграции трудно перейти к строительству тесных взаимоотношений с Западной Европой. Одним словом, «десоветизация» Восточной Европы вряд ли будет означать ее автоматический переход в русло общеевропейской кооперации (С. 5).

Но все проблемы, пишет далее Бжезинский, связанные с такого рода трансформацией в Восточной Европе, не идут ни в какое сравнение с вопросами межнационального соперничества в Советском Союзе, интенсивность которого возрастает, равно как и количество пострадавших. Рост национального самосознания различных национальных групп в СССР идет неравномерно в силу неодинакового стартового уровня. Кроме того, «любые попытки Москвы удовлетворить чаяния наиболее развитых в историко-культурном отношении народов — т. е. эстонцев, латышей и литовцев — немедленно повлекут за собой требования со стороны других национальных групп, настаивающих на таком же отношении к ним центра» (С. 5). Ситуация осложняется тем, что сегодня 25 млн. русских и 40 млн. нерусских проживают вне своих «коренных» территорий. Именно судьба этих более чем 60 млн. человек может в потенциале быть причиной разгорающегося межнационального противоборства, а они сами — его жертвами.

В структуре этнических взаимоотношений в Советском Союзе автор выделяет вертикальные и горизонтальные линии напряжения. Первые могут особенно отчетливо проявляться в тех республиках, где проживает значительное количество русских, и поэтому недовольство этнических групп адресует-

ся Москве (Эстония, Латвия, Киргизия, Казахстан, Украина). О вторых можно говорить, когда недовольство в республиках направляется против иных нескоренных национальностей (в Грузии против абхазов). Весьма распространенными являются ситуации, когда вертикальные и горизонтальные линии политического напряжения оказываются переплетены между собой как в республиках Средней Азии, где этнический состав населения чрезвычайно сложен, а недовольство направляется и против славян, и против местных национальных групп, оказавшихся по какой-либо причине на «чужих» территориях.

Парадокс ситуации заключается в том, что советский режим, абсолютно того не желая, создал институты, которые теперь наполняются «националистическим» содержанием. Республики, которые раньше были суверенными де-юре, теперь становятся таковыми де-факто, а формальные структуры централизованной власти трещат и лопаются сегодня по всем швам (С. 6—7).

Как и многие другие светологи, Бжезинский пишет о причинах обострения межнациональных отношений в СССР. По его мнению, политика М. С. Горбачева, ставившая целью оживление советской системы через децентрализацию в экономике и демократизацию в политической среде, изначально предполагала, что национальные образования должны обладать большей, чем раньше, степенью автономии. Тем самым была дана возможность различного рода национальным обидам и претензиям вырваться на поверхность, а национальным чаяниям — оказаться сфокусированным на требованиях эффективного контроля над рычагами власти на местах. Свою роль в этом процессе сыграл и акцент советских лидеров на проблему законности в общественно-политической жизни. С учетом этого ст. 72, 76, 80 и 81 Конституции СССР обрели вторую жизнь (С. 7—8).

Можно выделить и иные факторы, способствующие серьезному осмыслению проблемы выхода отдельных национальных республик из состава СССР, пишет Бжезинский. Например, если раньше, в 40—60-х годах, экспансия СССР в Восточной Европе преподносилась как защита Отечества, то в 70-е годы с укреплением восточноевропейских государств это объяснение потеряло свою убедительность. И уже невозможно объяснить, почему отделившаяся и оставшаяся коммунистической Эстония, к примеру, не может существовать вне Союза, так же как Польша, Чехословакия и другие страны. События в странах Восточной Европы — убедительный аргумент в пользу децентрализации, особенно для республик, расположенных на Западе Советского Союза. Организационной моделью процесса высвобождения из-под контроля Москвы для них служит стратегия профсоюза «Солидарность» в Польше (С. 8).

Бжезинский выделяет пять стадий в процессе роста национального самосознания нерусских народов. Первая стадия характеризуется тем, что национальные чувства фокусируются, как правило, на проблеме возрождения национальных языков. В этом выражается почти инстинктивное стремление к национальному самосохранению перед лицом прогрессирующей русификации. В рамках второй стадии выдвигаются требования подлинной национальной культурной автономии. На третьей стадии появляются и крепнут требования в пользу национального экономического самоопределения. Четвертая стадия знаменует начало борьбы за обеспечение национальной политической автономии на основе достижения предыдущих стадий. И, наконец, пятая стадия характеризуется уверенным шествием нерусского национализма от мечтаний и деклараций к национальному суверенитету.

Между четвертой и пятой стадиями сегодня находятся народы Прибалтики и Грузии. Украина едва достигла второй стадии, хотя ситуация в Киеве и особенно во Львове отражает переход к четвертой. Белоруссия и Молдавия все еще находятся на первой или второй стадии. Большинство республик в советской Средней Азии ввиду растущей значимости ислама, а также поражения СССР в соседнем Афганистане — переходят от третьей к четвертой стадии национального пробуждения. Вне зависимости от того, кто на какой стадии находится, страсти разгорелись во всех нерусских республиках. Политика русификации отвергается открыто и на корню. Национально-ориентированные элиты, даже не скрывающие своего стремления к суверенитету, уже доминируют в Прибалтике в политическом отношении. Национальная интеллигенция в других республиках также усиливает давление, подпитываемое настроениями в низах (С. 10).

Таким образом, пишет Бжезинский, национальный вопрос стал центральной проблемой политической жизни в СССР, затмив даже экономический кризис, резко осложнив ход всесторонней перестройки. В различных республиках проблема высвечивается разными гранями — если в Прибалтике контроль Москвы отвергается на уровне утверждаемого в одностороннем порядке законодательства, то в Армении, Азербайджане, Грузии, Узбекистане — в кровавых погромах на национальной почве. На поверхности выплывают самые примитивные страсти и инстинкты. Все это оказывает решающее воздействие на национальные группы, которые вообще не имеют своих собственных «советских республик». Одним словом, множатся требования в пользу национальной диверсификации в развивающемся Союзе ССР.

Стержнем обострения межнациональных отношений в СССР являются противоречия между русскими и всеми остальными этническими группами. Российская империя расширялась на протяжении нескольких столетий, каждый год существенно увеличивая свою территорию. Но сегодня русские — хозяева этой громадной империи — столкнулись с дилеммой, любое разрешение которой не сулит им ничего хорошего. Если говорить о недалеком будущем, то и политика подавления нерусских национальностей, и политика «пассивного реагирования» на развал империи равно означают угрозу для благополучия русского народа. Усложняя постановку проблемы, можно задаться вопросами: будет ли Москва терпеть пробуждение национализма восточноевропейских народов, одновременно жестоко подавляя национальные движения внутри СССР? И возможна ли в таких условиях перестройка, объявленная, начатая и пока продолжающаяся под руководством Горбачева? (С. 11).

С точки зрения пессимиста, пишет Бжезинский, Москва может пойти на прямую интервенцию в

Восточной Европе, так как сокровенным желанием Кремля должно быть «приведение в чувство» националистов не только в республиках, но и в странах ОВД. Сегодня, однако, политика репрессий где бы то ни было окажется дорогостоящей, тем более, что она неизбежно будет базироваться на разжигании великорусского шовинизма. И обратную реакцию нетрудно предсказать — ею станет политическое или даже физическое сопротивление. Кроме того, нерусские народы — это уже не те безграмотные и послушные народы, которые населяли когда-то имперские колонии, и не полуглазуренные жертвы сталинизма; у них есть своя интеллигенция и студенчество, они охвачены пробудившимся чувством национального самосознания (С. 12).

В случае применения репрессий ясен заранее и ответ на вопрос относительно будущего перестройки. Невозможной окажется экономическая децентрализация, политическая же власть должна будет сконцентрироваться в Москве. Репрессии погубят перестройку, а платой за сохранение империи станет ухудшение положения самих русских. Им придется оставить мечты о процветании и большей демократизации для самих себя (С. 12—13).

Перспективы для русского народа еще менее благоприятны, если утверждение национального самосознания нерусских пойдет и дальше такими же темпами, как в последние два-три года. В случае неудачи перестройки в экономической сфере нерусские будут далее настойчиво требовать, чтобы плоды их труда принадлежали им самим.

Если же перестройка будет продвигаться далее, то и в этом случае больше всего выиграют именно нерусские народы. Известно, что народы Прибалтики, евреи, грузины, армяне, узбеки, да и многие другие очень восприимчивы к стародавним традициям коммерции, предпринимательства и частной инициативы — всему тому, что с трудом пробивается сквозь толщу советского «опыта». Им будет легче отказаться от жесткого государственного контроля над хозяйственной деятельностью, потому что традиции такого контроля всегда были у них слабее, чем в России. Нельзя сбрасывать со счетов и доступ многих нерусских регионов к сферам международной торговли, и значительную концентрацию в этих регионах важных ресурсов (С. 13).

Ввиду всех этих факторов закономерен вопрос в иной плоскости: а каким же окажется внутреннее состояние самого русского народа? Ведь и демографические показатели сегодня свидетельствуют не в его пользу — 50 млн. мусульман имеют столько же новорожденных в год, сколько 145 млн. русских. А в недалеком будущем России, очевидно, придется принимать на свои земли многомиллионные потоки переселенцев — соотечественников из других национальных республик (С. 13).

Осознание всего вышеупомянутого, по мнению Бжезинского, подтолкнет русских к необходимости согласиться на какую-то взаимную адаптацию в сосуществовании со своими соседями. Альтернативой этому могут стать возникновение ситуации наподобие Северной Ирландии и возрождение духа «холодной войны» в международных отношениях, что повлечет дальнейшее обнищание русского народа.

Есть еще одна перспектива, пока открытая для русских, — попытаться сохранить политическую власть и экономические привилегии путем различных маневров. Но и на этом пути вряд ли удастся предотвратить раскол советской империи. Всякое промедление с позитивными изменениями в СССР подвигнет Прибалтийские республики на отделение. Вслед за ними наступит, вероятно, очередь Грузии; усилится давление в пользу полного национального самоопределения со стороны республик Средней Азии. Затем лишь вопросом времени останется отделение Украины и даже, быть может, Белоруссии. В этом случае, Россия окажется в тех же границах, которые существовали в середине XVII в. Если события пойдут таким чередом, то сравнить ситуацию будет не с чем, разве что с массовой миграцией во время конфликта между Индией и Пакистаном в конце 40-х годов или трагедией Ливана 80-х годов (С. 14).

По всей видимости, продолжает автор, сегодня обстоятельства складываются таким образом, что русские будут колебаться — от стремления сохранить (по возможности, за меньшую плату) статус-кво до (если их принудят) перехода к политике всеохватывающих репрессий. В самом недалеком будущем приверженцев такого способа разрешения национального соперничества станет гораздо больше, чем сейчас. Великорусский национализм приобретает все большую популярность, а пассивность перед лицом событий выглядит все более опасной и неуместной. Об этом же свидетельствует оживление дискуссий об уникальной миссии русского народа, которому де исторически уготовлена роль лидера. Эти мотивы усиливаются, по мере того как русских охватывают чувства озабоченности и отчаяния, а коммунистическая идеология, маскировавшая правление Москвы, увядает на глазах (С. 14—15).

Пока что, пишет Бжезинский, политика Кремля строится на стремлении сохранить статус-кво. Комбинируются элементы репрессий, в какой-то степени выборочного приспособления и ограниченных конституционных реформ. Если говорить о репрессиях, то Москва имеет возможность прибегать к ним, натравливая одну нерусскую нацию на другую, используя коллаборационистов внутри национальных групп для проведения своего влияния, выступая вслед за тем в качестве арбитра. Так проводится в жизнь стратегия «разделяй и властвуй».

В рамках политики частной адаптации Москва идет на специфические уступки тем национальностям, требования которых имеют длительную историю и степень внутреннего единства внутри которых велика, в надежде удовлетворить их чаяния и не дать развернуться цепной реакции, охватывающей всю систему в целом. Именно такая политика проводится по отношению к народам Прибалтики, уже добившимся реальной автономии. Подобное «преференциальное отношение» к одним вполне может соседствовать с усиливающимися репрессиями на Украине и в Белоруссии, так как значимость последних в геополитическом балансе сил слишком велика. Дело там может доходить до арестов и ссылки лидеров националистических движений.

Наконец, Москва планирует произвести некоторые изменения в сегодняшней Конституции СССР, укрепляя реальные полномочия нерусских национальных образований, особенно в сфере социально-экономического развития (С. 15—16).

И все-таки, по мнению автора, более чем сомнительно, чтобы режиму удалось на трех отмеченных направлениях практической политики удовлетворить требования или сдержать динамику роста национального самосознания в Советском Союзе. Устаревшие имперские структуры изжили себя, и балансирование Москвы на грани статус-кво не удовлетворит теперь притязаний нерусских национальностей. Возможно, последние, находясь на разных стадиях национального развития, не сумеют объединиться для общего противостояния Москве. Их цели могут противоречить друг другу (особенно в части национально-территориальных притязаний). Абсолютно справедливым можно, видимо, считать лишь то, что национализм нерусских этнических групп несовместим более с продолжающимся политическим и экономическим доминированием великороссов, даже в скрытых или умеренных формах (С. 16).

Запад должен понять, что Советский Союз не может одновременно оставаться империей и двигаться по направлению к многонациональной демократии. Конечно, ни «балканизация» Восточной Европы, ни «ливинизация» Советского Союза, ни новый виток укрепления великорусского империализма не представляются сколько-нибудь желательными для Запада. Но и игнорирование проблемы, а еще хуже — стремление во что бы то ни стало сохранить «стабильность» во взаимоотношениях с СССР не могут быть адекватными реакциями. Необходимо помнить о том, что стабильность времен «холодной войны» была исторически преходяща, во многих отношениях искусственна. Это особенно очевидно теперь, когда на авансцене геополитики на смену все более слабющему Советскому Союзу, сохраняющему лишь военную мощь, появляются другие государства. Да, налицо угроза стабильности, но Соединенные Штаты должны поддерживать эти сдвиги.

Развивая свою мысль, Бжезинский пишет, что если в 40—50-е и даже 60-е годы политическая борьба между Востоком и Западом велась за судьбу Франции и Италии, где действовали мощные коммунистические партии, то на протяжении 90-х годов главной проблемой в Европе станет судьба государств «восточного блока». Смогут ли они преуспеть в деле присоединения к сообществу западноевропейских стран, тем самым окончательно высвободившись из-под контроля Советского Союза? Существует также большая вероятность того, что в следующем столетии ареной политического противоборства станут Литва, Латвия, Эстония и Украина. В этом найдут отражение одновременно и угасание коммунизма как идеологии, и падение значимости России как имперской державы (С. 17—18).

Именно поэтому, отмечается в статье, сегодня наступило время, когда Западу необходимо нащупать общие контуры подхода к проблеме националистических волнений в СССР и государствах-сателлитах до того, как неясность в данном вопросе начнет негативно влиять на всю совокупность взаимоотношений между Востоком и Западом.

Особый упор следует сделать на то обстоятельство, что Запад не только не желает фрагментации ни Восточной Европы, ни Советского Союза, но, наоборот, стремится облегчить процесс трансформации пока еще репрессивных политических систем в системы с более плюралистическими и добровольными взаимоотношениями.

Более конкретно Запад должен подтвердить свою готовность к выработке долговременной программы постепенного присоединения к Европейскому сообществу тех восточноевропейских государств, которые готовы принять принцип «внутреннего плюрализма» в качестве основы социальной организации в любой сфере. Представляется возможным также разработать процедуру предоставления промежуточного статуса странам Европы, чтобы они могли постепенно вовлекаться в разветвленные структуры европейской кооперации. Первыми шагами в этом направлении может стать предоставление мест в Европейском совете Польше и Венгрии.

Западу, далее, необходимо поощрять движение к интеграции внутри самого восточного блока так, чтобы оно захватывало и Центральную Европу. В качестве примера можно указать на все более укрепляющиеся отношения экономической взаимопомощи между Венгрией и Австрией, разрабатываемыми специальными соглашениями, которые должны вступить в силу с 1992 г. Подобного типа кооперация может включить в свои рамки Югославию — особенно это касается Хорватии и Словении. Тесные, а может быть, и конфедеративные связи между Польшей и Чехословакией окажут стабилизирующий политико-экономический эффект на ситуацию в Центральной Европе. Особенно важно, что налаживание конфедеративных связей между этими двумя государствами создаст промежуточные структуры в уязвимом пространстве между Германией и СССР, а это положительно скажется на стабильности в центре Европы. Можно достичь и еще большей стабильности, имея в виду, что Запад когда-нибудь в будущем перейдет к политике поощрения новых форм региональной экономической кооперации на Балканах. Таким образом, угасание коммунизма не обязательно будет сопровождаться выходом на авансцену воинствующе агрессивного национализма (С. 18).

Еще один узел потенциально взрывоопасной ситуации, постепенно возникающей в «социалистической зоне» Европы, — состояние окружающей среды. Здесь все более усиливается экологическое неблагополучие. Особенно напряженные взаимоотношения в этой связи складываются между Польшей, Чехословакией и ГДР. Между тем экологические неурядицы идут рука об руку с нагнетанием национальной неприязни. Настоятельно необходимой поэтому представляется разработка региональной программы экологической безопасности. Институты ЕЭС и здесь могут сыграть лидирующую роль. Да и сами восточноевропейцы — чем они хуже обитателей стран Юго-Восточной Азии, сумевших создать жизнеспособный союз и преодолевших серьезные трудности на этом пути? Преимущества такого варианта развития событий видны не только с Запада, но и с Востока — ведь единст-

венной альтернативой кооперации является нескончаемая череда национально-этнических конфликтов.

В своей статье Бжезинский касается и будоражащего политиков по обе стороны Атлантического океана вопроса о будущем двух немецких государств. По его мнению, в Центральной Европе, пронизанной духом сотрудничества, проблема создания конфедерации между ГДР и ФРГ может быть успешно решена. С одной стороны, будут удовлетворены законные стремления населения обеих Германий, а с другой — объединенная Германия не будет внушать вполне обоснованных опасений своим соседям. «Проблема разделенной Германии, — пишет Бжезинский, — может лучше всего быть разрешена в рамках именно такого, широкого, а значит, и более устойчивого контекста» (С. 19).

Естественно, однако, что воссоединение двух Германий должно быть оговорено и с точки зрения безопасности ее восточных и западных соседей. Например, создание конфедерации возможно при условии, что на ее территории будут оставаться вооруженные силы двух противостоящих военно-политических союзов — ОВД и НАТО — на протяжении определенного времени, скажем, 20 лет.

Заключение подобного рода соглашений может также быть фундаментом всевропейской системы безопасности, главной задачей которой станет предотвращение возникновения внезапных дисбалансов в Европе, охваченной широкомасштабными процессами изменений. Наилучшим выходом из ситуации будет заключение специального соглашения между ОВД и НАТО, с тем, чтобы оба блока стали гарантами существующих геополитических реальностей, включая, разумеется, принцип нерушимости существующих границ. Но при этом ОВД не должна больше служить инструментом насаждения идеологического единообразия. Иначе говоря, некоммунистические Польша и Венгрия могут по-прежнему оставаться членами ОВД, но в силу геополитических, а не идеологических соображений. В рамках предлагаемой схемы резко уменьшится опасность возобновления старых территориальных конфликтов, особенно в Восточной Европе.

Таким образом, Запад должен хотя бы в самом общем виде сформулировать свое видение перехода Европы в фазу посткоммунистического развития. Уже само по себе оно окажет позитивный эффект на формирование структур, в рамках которых могут протекать начавшиеся изменения, а опасность того, что они приобретут деструктивную направленность, будет значительно снижена (С. 19—20).

Кроме того, по мнению Бжезинского, Запад может помочь и Советскому Союзу выработать трезвое видение и приемлемый подход к разрешению болезненных дилемм. Мирное урегулирование межнациональных противоречий в Советском Союзе лучше, чем репрессии национальных меньшинств или непрерывные вспышки насилия. Главное для советского руководства — попытаться как-то упорядочить процесс изменений, не дать воцариться хаосу, который, вполне вероятно, может стать следующей стадией в процессе распада СССР.

На Западе действительно накоплен опыт, который может оказаться полезным Москве. Например, модель разрешения противоречий, отработанная в Канаде, хороша во всех отношениях. Статус провинции Квебек — это пример того, к чему могут устремиться нации, не желающие отделяться от Советского Союза. Взаимоотношения, особенно в экономической сфере, существующие между Канадой и США, — вот чего могут добиваться республики, решившиеся на отделение. Столь же полезным может оказаться и изучение институтов, нарождающихся сегодня в Западной Европе, — они обеспечивают развитие подлинного сотрудничества, не ущемляющего национального суверенитета. Единственное, что отсутствует в приведенных примерах, — это монополистическая по характеру, дисциплинированная, опирающаяся на незыблемые догматы партия, которая к тому же контролируется одной национальной группой (русскими). Поэтому почти неизбежно, что в ходе любых серьезных дискуссий по национальному вопросу возникнет проблема распада КПСС на отдельные национальные партии (С. 21).

В любом случае, указывает Бжезинский, возникновение конфедерации или содружества наций окажется в будущем наилучшим выходом для всех заинтересованных сторон — для русских, для большинства нерусских и уж, конечно, для всего остального мира. Фактически подобное решение проблем — единственно верное, оно позволяет сочетать демократию с относительным единством. Демократия и процветание перестанут быть для русского народа недостижимыми целями, потому что этого нельзя добиться, подавляя другие народы. Для нерусских народов такое решение означает, что они станут хозяевами на своих территориях, избегнув конфликтов и насилия. Европейское содружество наций станет подлинно плюралистическим и стабильным.

Кроме всего прочего, в процессе становления реальной конфедерации можно предвидеть отмирание почти мистического образа России как империи, демифологизацию великорусского национализма, превращение русского народа из «хозяина» в «партнера». В этой связи полезным может оказаться закрепление за Москвой функций столицы конфедерации, а за Петроградом (так у автора. — *Реф.*) — собственно столицы России (С. 21).

Что касается КПСС, то «трансформация де-факто централизованного Союза ССР в конфедерацию потребует также радикальных изменений в роли и организации правящей коммунистической партии. Ее структура, остающаяся неизменной со времен Ленина, и дисциплина абсолютно несовместимы с функционированием децентрализованной конфедерации. Как минимум, должно быть разрешено образование отдельных коммунистических партий в национальных республиках, равно как и существование некоммунистических политических организаций. Дорогу в этом направлении уже прокладывают литовцы» (С. 22).

В рамках подлинной конфедерации или содружества, говорится далее, могут существовать серьезные различия в социально-экономических системах. Вероятно, некоторые из нерусских республик достаточно быстро покончат с анахроничной плановой экономикой и перейдут к политическому плю-

рализму. Другие же — и в первую очередь сама Россия — в силу различных причин исторического и культурного характера могут сохранить верность каким-то формам этатистского «социализма». И почти наверняка все республики сохранят в конфедерации наименование «советские», но не в «идеологическом», а в «консультативно-политическом» контексте, так как русское слово «совет» подразумевает обмен мнениями, дискуссию (С. 22).

Можно ли полагать, задается вопросом Бжезинский, что переход к конфедерации удовлетворит чаяния крепнущего национализма нерусских национальностей? Вероятно, не все народы будут удовлетворены, хотя для некоторых из них конфедерация окажется все же чем-то более приемлемым, нежели негативные и болезненные следствия полного разрыва или конфликт с враждебно настроенными соседями. Ведь что ни говори, но в рамках подлинно децентрализованного содружества или конфедерации нации не только пользуются плодами реального культурного, экономического и политического самоопределения, но и являются субъектами власти, образованной на основе консенсуса. Из участия в подлинной конфедерации можно даже извлечь экономические выгоды, равно как и преимущества безопасности — ничего этого полная независимость не дает.

Невзирая на это, некоторые нерусские нации будут, вероятно, настаивать на отделении. Но отделение от СССР, где доминируют русские, — вовсе не то же самое, что отделение от Евразийской конфедерации, децентрализованной на деле, а не на словах.

Если говорить о Прибалтике, то эти три республики почти наверняка и невзирая ни на что будут стремиться к обретению полной независимости — статуса, которым они обладали до инкорпорирования в СССР по пакту 1939 г. Это стремление понятно и заслуживает поддержки Запада — ведь речь идет о целых народах, имеющих свою историю, язык и политическое лицо. Поэтому Москва должна разработать правила проведения плебисцита, чтобы можно было определить, хочет ли данный народ использовать закрепленное в сегодняшней Конституции СССР право на отделение. И все-таки даже фактическое отделение не означает разрыва всех связей. Отделение наций может происходить на договорной основе, с приобретением определенного статуса в рамках советской конфедерации, что открывает дорогу экономическому сотрудничеству и даже, вероятно, соглашениям об обеспечении безопасности.

Таким образом, пишет Бжезинский, реакция Запада на попытки выхода отдельных республик из состава СССР должна сегодня формироваться на основе чрезвычайно точной и взвешенной оценки того, что же реально происходит в Советском Союзе в сфере межнациональных отношений.

Если Москва предпримет реальные усилия для того, чтобы коренным образом преодолеть существующее национальное неравенство, если будут осуществлены попытки действительно серьезных реформ, целью которых станет преобразование русского имперского правления в подлинно многонациональную систему управления, предоставление нерусским национальностям права эффективного контроля над их собственными территориями, в этом случае Запад должен не просто аплодировать, а оказать реальную помощь такой конфедерации или содружеству.

Необходимо помнить о том, пишет автор, что существующий Советский Союз — это не только имперское государство, но и до крайней степени неразвитая страна. Соединенные Штаты, Западная Европа и Япония имеют много возможностей помочь народам, населяющим СССР, покончить с примитивной нищетой, которая является прямым производным от реализации коммунистических догм и принципов государственного централизма, присущего российскому империализму. Структура децентрализованной конфедерации будет представлять собой меньшую угрозу для остального мира. И остальной мир, в свою очередь, поможет институционализации плюрализма, предоставляя кредиты, создавая совместные предприятия, увеличивая объем торговли. Возникновение подобного рода советской конфедерации будет означать окончание периода «холодной войны», имперских поползновений России, соответствующее снижение военных расходов. Таким образом, в выигрыше окажутся все (С. 24).

Но это произойдет в более или менее отдаленном будущем. Сейчас же, учитывая ускоряющуюся поступь истории, Западу необходимо предпринять какие-то первоначальные шаги. Например, Соединенные Штаты должны удвоить 15-миллионный бюджет Национального фонда в поддержку демократии, чтобы демократические национальные движения в СССР, появившиеся в Прибалтике, Грузии, Таджикистане, на Украине и в России, равно как и в других местах, могли рассчитывать на поощрение и поддержку. Точно так же имеет смысл поддерживать экономические инициативы западных фирм, резкое расширение сферы академических обменов и контактов — особенно с теми нерусскими национальностями, которые высказывают явное стремление покончить с имперскими структурами (С. 24—25).

В особом отношении, в особой помощи со стороны Запада, заключает Бжезинский, нуждается русский народ, который выиграет больше всех от таких изменений в его национальной судьбе. Запад не только должен довести до сознания русских слоев концепцию объединенной, но никому не угрожающей Германии, концепцию стремящейся к полноправному сотрудничеству Восточной Европы, концепцию постимперской советской конфедерации, но решительно заявить о своей готовности помогать в процессе перевода этих схем на язык реальной политики (С. 25).

А. А. Нугманов

Примечания

¹ Brzezinski Z. The Grand Failure: the Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. N. Y., 1989. 277 p.